

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

СЛАВЯНОФИЛЫ В ЭПОХУ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Шириняц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4
E-mail: jants@yandex.ru

Раскрываются обстоятельства подготовки крестьянской реформы 1861 г. в России, роль в этом процессе представителей славянофильского течения Ю.Ф. Самарина (1819–1876), А.И. Кошелева (1806–1883), князя В.А. Черкасского (1824–1878), выступивших в роли профессиональных дворянских «экспертов» по «крестьянскому вопросу». Рассматриваются записки, статьи и другие сочинения этих авторов, мечтавших о социальной гармонии в стране, о русской «народной монархии» и в этой связи подготовивших различные проекты освобождения крестьян. Обосновывается вывод о том, что мнение широкого круга дворянства и профессиональных экспертов, привлечённых к обсуждению крестьянского вопроса, оказалось бессильным перед властной волей самодержавного монарха, поддержавшего проект, в результате реализации которого дворянство было ограблено, а крестьянство обмануто.

Ключевые слова: отмена крепостного права в России, славянофилы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, В.А. Черкасский

SLAVOPHILES IN THE TIME OF THE ABOLITION OF SERFDOM (THE BIOBIBLIOGRAPHIC ESSAY)

Shirinyants Aleksandr A., D.Sc. (Politic), Professor
Lomonosov Moscow State University
27, build. 4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation
E-mail: jants@yandex.ru

The article gives an outline of the history of the preparation of the peasantry, or land reform of 1861 in Russia, the role in this process of the representatives of the Slavophile theory, such as Samarin (1819–1876), Koshelev (1806–1883), Prince Cherkassky (1824–1878), who acted as nobility professional "experts" on the "peasant question". The article estimates the notes, articles and other works of these authors, who dreamed of establishing social harmony in the country, the Russian "people's monarchy" and having that goal in view prepared various projects for the liberation of peasants. It is concluded that the position of numerous representatives of a range of nobility and professional experts involved in the discussion of the peasant question, was powerless facing the personal will of the autocratic monarch, who supported the version of the project, which robbed the nobility, and deceived the peasantry.

Keywords: abolition of Serfdom in Russia, Slavophiles, Samarin, Koshelev, Cherkaskiy

«Революцией сверху» называют отмену крепостного права в России в 1861 г. Действительно, инициированная и осуществленная по воле императора Александра II ломка социально-экономических отношений связана с революцией... Но с революцией, которая произошла позже, уже в XX в.

Три силы организовали переворот 1861 г.: император Александр II, «просвещённая бюрократия»¹ и «прогрессивное дворянство». Заметными фигурами эмансипационного процесса стали славянофилы Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, В.А. Черкасский, волею судеб выступившие

¹ О роли «просвещённой бюрократии» см.: [33, с. 14–25].

в эпоху подготовки «Великой реформы» в роли профессиональных дворянских «экспертов» по «крестьянскому вопросу»¹.

* * *

Для славянофилов было характерно представление о русском самодержавии как надсловной, народной монархии, ограниченной православными и народными, а не формально-юридическими началами. Одним из тех, кто внёс существенный вклад в аргументацию славянофильского концепта народной монархии, был **Юрий Федорович Самарин** (1819–1876). В статье, написанной в период Крымской войны 1853–1856 гг. и не предназначавшейся для печати, Самарин всесторонне рассмотрел вопрос о том, «на чём основана и чем определяется верховная власть в России». Эта статья до сих пор поражает читателя глубиной понимания славянофильским публицистом существа политических вопросов.

Критика Самариним поисков «всесовершенной и безусловно применимой формы правления», бездумного заимствования чужих образцов, высказанные им идеи «народности» правительства и конфессиональной определённости, лежащей в основе союза правительства и народа – всё это актуально и в наши дни. В качестве иллюстрации приведём лишь один фрагмент самаринского текста: «Представим себе третий случай. В государстве христианском, где-нибудь на краю земли, живут мусульмане. Правительство, исповедуя веру Христову, любит, чтобы его прославляли на всех языках, и с одинаковым благоволением принимает молитвы о его благоденствии, где бы они ни читались: в церквях, в костелах, в синагогах или в мечетях. Мусульмане не только свободно отправляют своё богослужение, но даже пользуются покровительством власти; им строят мечети, воспитывают для них мулл, издают для них Коран; чего им больше? Они довольны и при всяком случае рассыпаются в изъявлениях своей преданности. Наступает время доказать её на деле. Загорается война, война за спасение православных от ига мусульман. Что сделают мусульманские подданные православного правительства? Чью сторону они примут? Памятуя неоднократные доказательства заботливости об их благе, станут ли они под знамя креста, в ряды того правительства, которому клялись в усердии, или не увлечёт ли их в противоположную сторону блеснувший перед их глазами полумесяц? Сочувствуя правительству во всём, кроме веры правительства, будут ли они надежными слугами, когда дело дойдет до борьбы веры правительственной с их верою?» [15, с. 60].

Идея народной монархии стала стимулом активнейшего участия Самарина в деле по подготовке и исполнению освобождения многомиллионного крепостного крестьянства, а также отправной точкой критики конституционных поправок определённой части «либеральствующего» дворянства, терявшего в связи с отменой крепостного права часть своих привилегий.

Из большого количества документов (составивших три тома сочинений Ю.Ф. Самарина [18–20]) наиболее значимым представляется объёмная записка «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», подготовленная Самариним ещё до официального «старта» эмансипационной кампании по отмене крепостного права в России. Записка была начата Самариним в 1853 г., окончена в начале 1854 г., переработана и пущена в обращение в рукописном виде в 1856 г., т.е. за год до первых из целой серии Высочайших рескриптов «об улучшении быта помещичьих крестьян» – рескрипта Александра II от 20 ноября 1857 г. Виленскому, Гродненскому и Ковенскому военному генерал-губернатору В.И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трёх губернских комитетов и одной «общей комиссии в г. Вильне» для подготовки местных проектов крестьянской реформы и аналогичного рескрипта петербургскому генерал-губернатору графу П.Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г.²,

¹ «Воля судьбы» обозначилась и в том, что один из отцов-основателей славянофильства И.В. Киреевский умер в 1856 г., признанный вождь первых славянофилов – А.С. Хомяков, считавший, что «христианин может быть рабом, но не может быть рабовладельцем» (1855), скончался в 1860 г., в том же 1860 г. ушёл из жизни их соратник и друг К.С. Аксаков, не успев окончить своей рукописи по крестьянскому вопросу (см.: [13, с. 47]).

² В течение 1858 г. подобные рескрипты были даны и остальным губернаторам, и в том же году в 46 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были учреждены губернские «комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян».

публикация которых в официальной прессе в декабре 1857 г., обозначила начало крестьянской реформы в России.

Самарин прямо указывает на то, что его записка «посвящена исключительно *переходным мерам* от настоящего положения крепостного сословия к гражданской свободе. Назначение их тройкое: 1. Положить предел естественному развитию крепостного права. 2. Открыть исход из него отдельным личностям, поднимающимся выше уровня крепостного сословия. 3. Облегчить и поощрить добровольные сделки» [16, с. 133–134]. В ней последовательно рассмотрены влияние крепостного права на общественную нравственность, политическое благоустройство, народное хозяйство; взаимные отношения помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам; отношение правительства к крепостному праву; различные виды крепостных отношений. Предлагаются «меры отрицательные» против дальнейшего развития крепостного права (запрещение переводить из крестьян в дворовые для домашних услуг; запрещение целые селения переводить с оброка на барщину; воспрещение дробления имений ниже положенной меры) и «меры положительные» к установлению новых, правомерных отношений для целых обществ (добровольные сделки между помещиками и крестьянами; разрешение приобретения населенных имений капиталистам, не принадлежащим к потомственному дворянству; разрешение крестьянам занимать деньги для выкупа себя с землею; разрешение увольнять в звание вольных хлебопашцев и обязанных крестьян по духовным завещаниям) и для освобождения частных лиц (обязательный выкуп). «С выплатою помещикам полного вознаграждения, – считает Самарин, – *упразднится всякое с их стороны право как на землю, состоящую у крестьян во владении, так и на их труд*. Крестьяне, вполне отрешённые от помещика в хозяйственном и в юридическом отношении, поступят в прямую зависимость от правительства, как *состояние свободное, но отвечающее за казенный долг, лежащий на его земле*.

Тогда получат окончательную юридическую организацию сельские общества; устроится мирское управление с административными делениями на приходы, округа, волости; устроятся судебные инстанции, школы; издадутся особые уставы.

Наконец, *после погашения казенного долга, бывшие помещичьи крестьяне станут к правительству в отношении свободного сельского сословия, владеющего своею землею на праве полной собственности»* [16, с. 135].

Таким образом, Самарин в своей записке предлагал поэтапный переход «из крепостного состояния к гражданской свободе», т.е. в «правомерные отношения», начиная от добровольных сделок помещиков и крестьян и «усовершенствования» указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах через повсеместный переход к обязательным отношениям, к выкупу надельной земли у помещиков и превращению её в полную собственность крестьянского мира как окончательной цели отмены крепостного права.

В ряду работ Самарина по крестьянскому вопросу, созданных уже после старта кампании, принято отмечать опубликованную во второй книге журнала «Сельское благоустройство» за 1858 г. его статью «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном», которую некоторые историки называют «проектом Самарина» относя его к «помещичьим проектам» отмены крепостного права [4, с. 475–476]. Однако содержание этой статьи, как и позиция Самарина по крестьянскому вопросу, во многом определились во время работы над первым документом такого рода – запиской «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», которая, наряду с его итоговым трудом – текстом Манифеста (1861), является важнейшим документом эпохи отмены крепостного права.

В конце 1858 г. Самарин поступил членом от правительства в Самарский губернский комитет, затем, в 1859 г., – в Редакционные комиссии по крестьянскому делу для подготовки правительственного проекта отмены крепостного права, став одним из самых активных их деятелей¹. Именно ему в конце 1860 г., когда работа Главного комитета подходила к концу, было поручено написать проект манифеста об отмене крепостного права. Уже в первых числах января 1861 г. текст был подготовлен. Существенные изменения в самаринский проект были внесены В.А. Черкасским и Н.А. Милютиним, затем документ поступил на рассмотрение комиссии и подвергся коренной переработке. Как отмечает Э.В. Захаров, «Самарин не был

¹ В состав комиссий входили 17 чиновников и 21 член-эксперт.

удовлетворён своим трудом, но он дорожил в нём несколькими фразами, получившимися живыми и яркими. Он изумился, когда “при первом же чтении, все, с каким-то безошибочным инстинктом, даже не сговариваясь, накинулись именно на эти места и похоронили их” [3, с. 15]. В результате Самарин отклонил собственную ответственность за текст проекта, который был отдан на переделку московскому митрополиту Филарету и затем под заголовком «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» опубликован 19 февраля 1861 г.

Филарет разделил текст на три части (1. Начало, ход и изложение дела. 2. Высочайшие повеления. 3. Увещевания и обнадеживания), значительно сократил исторический очерк в первой части первоначального проекта, а также стилистически поправил, переписав заново некоторые положения. Так, важную самаринскую фразу, которой он заканчивал свой проект: «Православные! не омрачите этого светлого дня ни диким разгулом, ни буйным веселием; но в трезвом сознании лежащих на вас обязанностей возблагодарите Всевышнего, Подателя всяких благ, и, осенив себя крестным знамением, вступите бодро в новую жизнь», митрополит Филарет, сохранив первоначальный смысл, сделал значительно проще и понятнее: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного» [11, с. 31]. Самарин признал вариант Филарета более убедительным, чем свой. Как отмечал Ф.Д. Самарин: «Эти заключительные слова, по свидетельству очевидцев, более всего произвели впечатление на народ; они сильнее всего запечатлелись в умах и доселе чаще всего припоминаются, когда заходит речь о манифесте 19 февраля» [14, с. XXIV].

И в завершение «самаринского» сюжета несколько слов о его работе «По поводу толков о конституции» (1862). Этот текст представляет собой черновой проект заявления, которое славянофилы собирались поместить в газете «День» как протест против предполагавшегося адреса московского дворянства о даровании конституции, т.е. фактически о смене формы правления в России. Конституционные поползновения новоявленных дворянских «прогрессистов» не были бы возможны, если бы в общественном сознании не сформировался некий социально-психологический «комплекс либерала», когда все стремились быть или хотя бы выглядеть «прогрессистами», а слово «либерал» приобрело особый оттенок, стало знаком, обозначающим принадлежность человека к фрондирующей части общества, т.е. к избранным борцам «за прогресс и цивилизацию» ставшими «общественной силой». Об этой «общественной силе», пред которою трусили, за которою, как водится, ухаживали даже многие представители власти того времени, жаждавшие популярности – сопричисления к лику «либералов», Самарин, по мнению И.С. Аксакова, высказался верно и пророчески, назвав её силой умерщвляющей, а не дающей жизнь [1, с. 2].

Аксаков, опубликовавший статью Самарина в газете «Русь» в 1881 г. и сопроводивший её своими замечаниями, указал на актуальность самаринских размышлений: «Хотя заявление Самарина написано двадцать лет тому назад, однако же, к сожалению, мало того – к истинному ужасу – оно кажется, за исключением некоторых частных, написанным как бы вчера!» [1, с. 4].

Действительно, многие мысли Самарина и в наши дни звучат современно. Достаточно, например, указать на его рассуждения по поводу централизации: «где конституционная форма возникает не как самородный плод свободного развития народной жизни, а заимствуется извне, как готовая форма, как покрой платья, – там прямое и неизбежное её последствие: усиление централизации, не только административной, – в области правительственной, но и умственной – в развитии народного просвещения. Одна точка, один город делается самодержавным властелином целой земли» [17, с. 97]. Как во времена Самарина, так и сейчас, «к этому средоточию политического движения» – в столицу государства – «устремляются массы народа, капиталов, способностей, привлеченных заманчивой деятельностью на видном поприще». В результате ослабевают остальные части государства, выступающие по отношению к столице уже в роли заштатной периферии. С течением времени эта централизация «усиливается поневоле, вследствие постепенного истощения всего организма, как единственное средство восполнить пустоту и мертвенность в его оконечностях» [17, с. 96]. Вполне в духе концепции «государства и земли» К.С. Аксакова, Самарин приходит к выводу о том, что цен-

трализация чревата серьёзными проблемами: «государство потребляет больше, чем вырабатывает земля, и мало-помалу заедает землю» [17, с. 97].

Выступая против «лжепрогресса», «лжепросвещения», «лжекультуры», считая либеральные толки о перемене формы правления пустой болтовней, чуждой не только правды, но и искренности, Самарин более всего опасался «дожить до лжесвободы и лжеконституции». Чтобы этого избежать, считал он, «нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т.д., и т.д.» [17, с. 98]. На наш взгляд, подобные программные требования (конечно же, после небольшой редакции) вполне уместно смотрелись бы и в документах многих современных политических партий России.

Самарин не оставлял общественной деятельности до конца своей жизни. В 1861–1864 гг. он занимался проведением крестьянской реформы в Самарской губернии и Царстве Польском, с 1866 г. и до самой смерти был гласным губернского земского собрания и Московской городской думы, председательствовал в думской комиссии о пользах и нуждах общественных. Не оставлял он и публицистической деятельности, всесторонне рассмотрев широкий круг общественно-значимых тем, подвергнув сокрушительной критике правительственную политику на окраинах России, выявив противоречия сторонников дворянского конституционализма, показав внешнее благочестие и стремление к власти иезуитов в России, и т.д.

В своём социально-политическом творчестве Самарин предстает защитником национального начала, самобытного пути развития России, сильной централизованной государственности и свободной православной церкви.

* * *

Одним из немногих практиков славянофильства предстает перед нами **Александр Иванович Кошелев** (1806–1883). Выпускник Московского университета, несколько лет послужил в учреждениях Министерства иностранных дел, вышел в 1835 г. в отставку и успешно занялся делами своего большого рязанского имения (5,5 тыс. душ крепостных), став вскоре богатым человеком. Крупный землевладелец и «крепостник» Кошелев под влиянием А.С. Хомякова в 1840-е гг. проникся славянофильскими идеями. В 1851 г. дал денег на продолжение издания альманаха «Московский литературный и учёный сборник», а во второй половине 1850-х гг. не только профинансировал, но и редактировал журнал «Русская беседа» (1856–1860) и приложение к нему – журнал «Сельское благоустройство» (1858–1859), посвящённый исключительно вопросам подготовки крестьянской реформы.

Как практик сельского хозяйства, Кошелев пришёл к выводу о преимуществе вольнонаёмного труда перед крепостным и экономической несостоятельности института дворовых людей. В своей статье «Охота пуще неволи» (1847), опубликованной в «Земледельческой газете», которую редактировал А.П. Заболоцкий-Десятовский, Кошелев убеждает читателей, что в любом деле успеха можно добиться, если заниматься им добровольно, без насилия и принуждения, что свободный труд значительно производительнее крепостного: «один человек служит за троих» [9, с. 13]. Сравнение артельного труда с барщинным не в пользу последнего: при артельном труде «всё горит; ... времени проработают они менее барщинского крестьянина; отдохнут они более его; но наделают они вдвое, втрое. От чего? – Охота пуще неволи» [9, с. 12]. Только «одна привычка, одна... лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей» [9, с. 12].

Кошелев вместе с Ю.Ф. Самариным, В.А. Черкасским, И.С. Аксаковым и другими участниками славянофильского круга внёс значительный вклад в дело подготовки отмены крепостного права в России.

В 1856 г. состоялось знаменательное событие: три единомышленника-славянофила, три крупных помещика – князь Черкасский, Самарин, Кошелев – подготовили записки по крестьянскому вопросу и обсудили их в имении Кошелева, куда съехались помещики Рязанской

губернии, чтобы посмотреть новые образцы жатвенных машин. Проект Кошелева был признан самым радикальным и включал четыре записки.

В записке «О необходимости уничтожения крепостного состояния в России» Кошелев заявляет о неизбежности и немедленной необходимости отмены крепостного права. Последовательно и убедительно он отверг главные доводы скептиков: необразованность крестьян, их лень и пьянство; возможность упадка государственного хозяйства из-за нежелания свободных людей работать; плохое устройство земских и городских полиций; вероятность разорения помещиков и попадание крестьян «под хищническую власть чиновников» [7, с. 59]; отсутствие средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей; неготовность к реформам сельского управления; возможность возникновения беспорядков; потрясение самодержавия. Начать освобождение крепостных людей «надобно *сейчас*, ибо каждая грядущая минута может произнести страшные слова: *теперь уже поздно*» [7, с. 92], – *таков вывод Кошелева*.

Заявив о необходимости скорейшей отмены системы крепостной зависимости, Кошелев предлагает конкретные действия по освобождению крестьян и дворовых людей в записках «Предполагаемые меры к освобождению крестьян» и «Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей». Рассматривая различные способы освобождения, он приходит к выводу, что крестьяне должны освобождаться с землей «прямо и окончательно, без переходов к большей свободе ...единовременно везде» путём «добровольных соглашений между помещиками и крестьянами» [8, с. 93]. Помещики при этом должны получить вознаграждение за земли, поступающие в мирскую собственность, или за оброк, которого они лишатся.

Разработка плана освобождения крепостных людей продолжается в записке Кошелева «Предполагаемые меры к освобождению крестьян». Здесь он переходит к проработке конкретных действий в рамках реформы по освобождению, разрабатывает перечень действия правительства по уничтожению крепостного состояния в России. Кошелев считал землей собственностью помещиков, поэтому соглашался с необходимостью предоставления им компенсации, размер которой должен был зависеть от добровольного согласия между помещиками и их крестьянами, но не мог превышать «или стоимости угодий, предоставляемых крестьянам в собственность, или стоимости оброка, бездоимочно ими дотоле платимого при известном наделе их землею» [10, с. 130].

По мнению Кошелева, освобождение крестьян должно было происходить в течение двенадцати лет. Предполагалось сначала дать право заключения добровольных сделок помещиков с крестьянами. По окончании описи и оценки имений, т.е. по истечении трёх лет, следовало «указом пригласить помещиков к заключению сделок с крестьянами» [10, с. 154]. По истечении второго срока для содействия в заключение этих сделок правительство должно было «назначить по одному или по два посредника в каждом уезде из среды дворян, уже освободивших своих крестьян» [10, с. 155]. По истечении следующего трёхлетнего срока должно было вступить в действие обязательное определение всех условий выкупа, через чиновников, назначенных от правительства.

Записки Кошелева по уничтожению крепостного состояния в России фактически представляют один из первых проектов освобождения крестьян с землей. В феврале 1857 г. они были отправлены императору Александру II, приняты к сведению и переданы для обсуждения сначала в Главный комитет по крестьянским делам, затем в Редакционные комиссии, учреждённые под председательством Я.И. Ростовцева в марте 1859 г., а сам Кошелев в 1858 г. назначен членом от правительства в Рязанский губернский комитет по крестьянскому делу. В Рязанском комитете, защищая от нападок своих друзей – князя Черкасского и Аксакова, опубликовавших скандальную статью о нежелательности внезапной отмены телесных наказаний в крестьянском быту [30], Кошелев разругался с остальными его участниками, благодаря чему не был назначен в состав Редакционных комиссий, выступил с резкой критикой на их труды, чем навлек неудовольствие правительства и вынужден был в 1859 г. устраниваться от дальнейшего активного участия в разрешении крестьянского вопроса.

Уже после выхода в свет Манифеста 19 февраля, который не принёс желаемого облегчения ни помещикам, ни крестьянам, в декабре 1861 г. Кошелев завершил работу над большой статьёй «Что такое русское дворянство и чем оно должно быть?» и, приложив две статьи И.С. Аксакова 1861 г. из газеты «День», в которых был поднят вопрос о пореформенной судь-

бе дворянства как сословия в России, опубликовал её в 1862 г. в Лейпциге под названием «Какой исход для России из ее нынешнего положения?»

Кошелев фиксирует, что во всём российском обществе преобладает недовольство сложившимся положением. Дворянство утратило право владения землей, крепостными людьми и не знает, как оно будет жить дальше. Крестьяне получили свободу, но «без прекращения барщины и помещичьего оброка, без окончательной развязки с прежними их владельцами, в сопровождении новых чиновников из дворян и почти по избранию сих последних, при розгах» [5, с. 1–2]. Дворяне не принимают предлагаемых им увольнительных свидетельств. Недовольны новыми порядками купцы и мещане. Но, по мнению Кошелева, это не значит, что в стране стало хуже. Просто каждый «желает узнать свои права и получить в них удостоверение и обеспечение» и, как следствие, всюду неизбежны «путаница и неурядица» [5, с. 4]. В четырёх разделах работы Кошелев последовательно рассматривает состояние крестьянского, дворянского, финансового дела, бюрократическую систему, сложившуюся в России и подчас заменяющую самодержавие царя. Такую систему – источник прошедших, настоящих и ещё будущих бедствий для России – Кошелев подвергает резкой критике и предлагает пресечь этот «корень зла» не кровавой революцией, а искренним и полным единением царя с народом: «Созвание Земской Думы в Москве, в сердце России, поодаль от бюрократического центра, есть, по нашему крайнему разумению, единственный путь к разрешению великих задач, нашему времени указанных» [5, с. 38].

Брошюра вызвала бурную дискуссию, и Кошелев был вынужден ответить своим критикам, дав развернутую аргументацию идеи созыва «Общей Земской Думы в Москве» в специальной работе «Конституция, самодержавие и земская дума» (1862), которая также была издана за границей, в Лейпциге, и распространялась в России нелегально.

Кошелев тщательно рассматривает множество возражений противников Земской думы, формулировка которых сама по себе – характерный «срез» политического сознания российского общества, только что пережившего начало «Великих реформ»: «Как можно подать голос против конституции и за самодержавие!» [6, с. 5]; «Как полагать, что правительство будет слушать Думу и не разгонит её при первом проявлении ею мнений самостоятельных и несогласных с видами людей, во власти обретающихся! Какими средствами Дума обеспечит исполнение своих справедливых желаний и требований?» [6, с. 28]; «Как предлагать созыв Общей Земской Думы прежде, чем устроятся и утвердятся уездные и губернские сословные совещательные собрания! Надобно сперва утвердить основания для здания, вывести стены и уже потом его завершать куполом» [6, с. 36]; «Как думать, что члены Думы будут иными людьми, более мудрыми, более знающими и менее приверженными к своим или сословным интересам, чем те, которые явились в виде депутатов от губернских комитетов, или чем нынешние государственные люди, которые все из дворянского же сословия! Неужели вы полагаете, что министры из крестьян будут способнее вести дела государственные?» [6, с. 42]; «Созывать Земскую Думу – значит вести Россию к революции, т.е. к повторению у нас *Etats Gépénaux*, превратившихся в конвент и заключивших свои действия событиями 1792-го года, с проскрипциями, гильотиною, *poiyades* и пр.» [6, с. 49]. Он также отвечает на более частные вопросы о том, «По какому поводу созвать Земскую Думу?... Как составить Земскую Думу?... Как оградить верховную власть от неуместных притязаний Думы?» [6, с. 55–56]. Так, разъясняя, как можно подать голос «против конституции и за самодержавие», Кошелев обозначает четыре главных причины, по которым самодержавие и Земская дума необходимы в современной ему России, а Конституция не нужна. Первая причина очень проста: девяносто девять из ста русских выступают за царя, которого считают «своим защитником, покровителем и единственным правосудным карателем злоупотреблений» [6, с. 19]. Кошелев обращает внимание и на то, что при разнообразии племен, составляющих империю, при подавляющем численном превосходстве русского народа, народы провинций, окаймляющих государство, опасаясь русской гегемонии, «расположены более к Царю, чем собственно к России» [6, с. 19]. Вторая причина заключается в том, что русское самодержавие не означает произвол одного лица или чиновников, действующих от имени этого лица. Вполне по-славянофильски Кошелев утверждает: «Самодержавие, как его понимают народ и наша до-Петровская история, есть власть единого государя – полная, но заключённая в пределах закона (как ей не исполнять,

не уважать собственного своего творения!), освещённая советами и знаниями народных выборных и действующая чрез помощников, ею назначаемых из среды людей, пользующихся доверием и уважением земли; следовательно, такое самодержавие не есть деспотизм, не есть бюрократия; оно не только не враждебно народным вольностям, но ими оживляется и укрепляется!» [6, с. 20]. Третья причина обуславливается тем обстоятельством, что любые мирные и быстрые реформы в России возможны только «сверху», если их осуществляет верховная неограниченная власть. Однако после недавней крестьянской реформы в стране возникла ситуация, когда «ни самодержавие само по себе, ни представительство народное с ограниченной монархической властью не в состоянии вывести нас из кризиса, в котором мы обретаемся: необходимо для этого соединение знания, которое может доставить только народное представительство, и власти, которая всецело пребывает только в самодержавии» [6, с. 21]. Четвертая причина в том, что в России нет и ещё долго не будет никакой возможности действительно ограничить самодержавие с помощью конституции и парламента по европейскому типу: «Царский манифест, прочтённый в церквях, всемогущ: крестьяне, мещане, купцы и духовенство станут на сторону Царя, и тогда конституция, пересаженная из чужих краёв, останется только в “Полном собрании законов”, памятником законодательной лжи и представительного бессилия» [6, с. 21].

Отвечая же на опасения тех, кто считает, что «созывать Земскую Думу – значит вести Россию к революции» [6, с. 49], Кошелев справедливо указывает, что на самом деле революцию производят «действия со стороны правительства, нерешительные и противоречащие, ... законы неудобноисполнимые, оковы ... на мысль и слово, полицейское ... наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные её расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчуждённость от России, ... военные экзекуции, казематы и ссылки» [6, с. 49–50].

Вывод Кошелева однозначен: «созвание выборных от всей земли на общий совет» – решительная и главная мера к выходу из переживаемого Россией кризиса, которая не только успокоит все сословия, возведёт народ в звание свободных граждан, призванных к участию общественных и государственных дел, всё подчинит закону и оградит от произвола, но и поднимет царя на такую высоту народной любви и величия, которых не достигал ни один венценосец [6, с. 58–59]. Русские люди требуют, по глубокому убеждению Кошелева, «дела настоящего, которое может быть совершено только государем и народом, испытано временем и утверждено всеми ими в совокупности» [6, с. 18]. Именно таким общим делом и призвана стать Земская дума.

Благодаря этим двум работам, опубликованным в Лейпциге, Кошелев остался в истории хранительного направления русской мысли¹ не только как автор одного из первых проектов освобождения крепостных крестьян с землей, но и как публицист, который вслед за К.С. Аксаковым (однако впервые публично и в печати), аргументировал славянофильскую идею созыва Земской думы.

Наряду с А.И. Кошелевым ещё одним активным деятелем крестьянской реформы стал князь **Владимир Александрович Черкасский** (1824–1878).

Неравнодушный к настоящему и будущему своей страны, именно в крепостном праве он видел одно из главных препятствий на пути развития государства. Черкасский стал автором одного из первых проектов «постепенного освобождения крестьян» (1846), в котором предложил три способа освобождения крестьян: без земли и с правом перехода от одного владельца к другому; учреждение свободных хлебопашцев; учреждение крестьян обязанных. Черкасский хорошо понимал сложность решения крестьянского вопроса, имея в виду наличие трёх заинтересованных сторон: крестьянина, помещика и государства, преследующих свою выгоду. Так, свобода для крестьянина будет «постылым даром или, лучше, гибелью, если не соединить с ней твёрдого поземельного владения» [28, с. 1]. Для помещика важно, чтобы по-

¹ О «хранительстве» см.: [2, с. 34]. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» [21–26].

земельная собственность осталась за ним, ведь «она одна отделяет его от низших по политическому достоинству классов; ... может сохранить его влияние на народ, поставив пролетария в безусловную зависимость от землевладельца» [28, с. 2]. Высший, государственный интерес при этом заключается в том, чтобы материально обеспечить крестьян, не принеся при этом «законные выгоды помещика ... в жертву другому сословию» [28, с. 2]. Первый способ освобождения без земли, по мнению Черкасского, совершенно неприемлем: «история не возвращается к однажды исчерпанным формулам» [28, с. 3]. Второй план из-за бедности большинства помещичьих крестьян «в первообразном своем начертании едва ли имеет большую практическую исполнимость» [28, с. 3]. А третий план «не соответствует потребностям народным», но может рассматриваться как «ступень переходная между крепостным состоянием и полной свободой» [28, с. 4–5]. Черкасский делает заключение: «должно избрать средний путь между свободными хлебопашцами и обязанными крестьянами, стараясь совместить выгоды тех и других и избежать их недостатков» [28, с. 5]. Таким образом, отвергая безземельное освобождение крестьян, он склонялся к постепенному, растянутому на десятилетия выходу их из крепостного состояния с покупкой земельного надела. Более того, Черкасский не ограничился теоретическими рассуждениями и попытался освободить крестьян в одном из своих тульских имений, предоставив им возможность выкупа на волю с землей.

В начале 1850-х гг. Черкасский сблизился со славянофилами, особенно с Ю.Ф. Самариным, и несмотря на некоторые расхождения взглядов на русскую общину, на опасность «язвы пролетариата» и др., поддерживал с ними тесные дружеские связи, принял участие в подготовке второго тома «Московского сборника» (1852), предоставив для него статью «О подвижности народонаселения в древней России», признанную цензурой «особенно вредной», за что подвергся ограничению в правах печатания и полицейскому надзору. После воцарения Александра II эти ограничения были сняты, и Черкасский на паях с А.И. Кошелевым, Ю.Ф. Самариным, А.С. Хомяковым вошёл в совет редакции славянофильского журнала «Русская беседа» (1856–1860), в котором опубликовал несколько статей, в основном представляющие политические обозрения международных событий.

Под влиянием речи императора Александра II о необходимости освободить крестьян «сверху», а не ждать, пока они сами «освободятся снизу», произнесённой им 30 марта 1856 г. перед московским губернским и уездными предводителями дворянства, Черкасский, как и многие другие мыслящие люди того времени, подготовил свои предложения по реализации крестьянской реформы. Их он изложил в «Записке о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния» (1857). Выступая против радикальных действий в решении крестьянского вопроса, Черкасский ратует за установление переходного периода при передаче земли крестьянам. Только после завершения первого «приурочительного периода законодательной деятельности», длящегося около 15–20 лет, по мнению Черкасского, «настанет для правительства решительная минута приступить к коренному преобразованию сельских отношений, освободить остальных крепостных крестьян с сохранением за ними поземельной собственности и общинного управления, а дворянство обеспечить за утрату части его собственности справедливым вознаграждением» [29, с. 64].

«Наижелательнейшей формой перехода крепостных крестьян в новую свободную жизнь» Черкасский, как и прежде, считает отпуск крепостных крестьян на свободу с землей. Однако теперь, имея в виду необходимость обеспечения рабочей силой промышленного и сельскохозяйственного производства, он допускает возможность освобождения на волю двух – трёх миллионов крестьян и без земли, так как «современный ход русской промышленности, не только фабричной, но и земледельческой, настоятельно начинает требовать образования массы свободного труда, способного по зову нужд частных и общественных свободно передвигаться с места на место» [29, с. 64].

Говорит Черкасский и о необходимости «преобразования администрации государственной» [29, с. 65]. Он настаивает на «всеобщем упрощении бесконечного ныне делопроизводства», сокращении числа судебных инстанций, «даровании всем лицам местных управлений достаточного жалованья», «призвании местного дворянства к истинному серьёзному контролю над деятельностью губернских властей», изучении вопроса о постепенной подготовке нового местного приходского управления и приходских властей на замену помещичьей власти;

«твёрдо предпринятом и неуклонно преследуемом постепенном преобразовании отношений крестьян к помещикам» [29, с. 65].

В 1857 г. Черкасский был за границей, в Италии, где фрейлина баронесса Э.Ф. Раден представила его великой княгине Елене Павловне, вдове великого князя Михаила Павловича Романова, которая покровительствовала сторонникам крестьянской реформы. Её Михайловский дворец в Санкт-Петербурге был «средоточием всего интеллигентного общества», центром обсуждений планов освобождения крестьян и преобразований, реализованных затем в ходе «Великих реформ». По её просьбе Черкасский подготовил две записки «О главных и существеннейших условиях успеха нового положения» (1857). В них он изложил главные и существенные, на его взгляд, условия, необходимые для успеха «Положения о крестьянах». Среди прочих, важным моментом нового Положения Черкасский называет добросовестную, «согласную с совестью и здравым смыслом» оценку крестьянских усадеб при приобретении их крестьянами в частную личную собственность [31, с. 70]. Он призывает комитеты по улучшению быта крестьян, которые согласно царскому рескрипту, только начали в это время свою работу в губерниях, обращаться в своей деятельности не только к помещикам и дворянам, но и к «отличным своим умом и нравственностью» крестьянам, представителям других сословий, знакомых с сельским бытом, а также сельскому духовенству [31, с. 77]. Сроки для переделов мирских земель, по мнению Черкасского, в каждой местности должны соотноситься с местными обычаями. Огромное значение, считал он, будет иметь правильный выбор членов от правительства в губернские комитеты, тщательность наблюдения губернаторов за их действиями. Чтобы работа комитетов не превратилась в «одну бесплодную формальность или бесцельное и безрядное разноречие» [31, с. 80], необходимо придать ей гласность, обязав комитеты представлять периодическим изданиям для опубликования ежемесячные своды своих действий. К гласности Черкасский призывает и правительство, резко критикуя его «двусмысленное молчание, тайные рассылки скрывааемых от народа циркуляров, долгую отсрочку публикации в ведомостях и газетах законодательных мер» [31, с. 81]. Записка не осталась без внимания, и в конце 1857 г. Черкасский был назначен членом от правительства в Тульский губернский комитет, позже стал членом-экспертом Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах (1858–1860).

В 1858 г. Черкасский выступил в печати со статьей «Некоторые общие черты будущего сельского управления», вызвавшей большой общественный резонанс. В этой статье, опубликованной в журнале «Сельское благоустройство», он рассуждает о новом порядке сельско-полицейского устройства, о замене «прежнего безотчётного суда и полиции помещика новым судом и новою полициею» [30, с. 226], настаивает на предоставлении дворянству права местного наблюдения за интересами сельского сословия и местного суда над ним, право опеки и надзора, но «в новых просветлённых формах». В будущей местной сельской организации Черкасский видит, в частности, ограждение крестьянства от сословия профессиональных чиновников; контроль правительства и крестьянства за выборами на местные земские должности; не «мертвящую централизацию», а «спасительное начало местного самоуправления»; отсутствие лишних «административных ярусов или инстанций, порождающих лишь проволочку в делах и лишние расходы» [30, с. 228, 229]. Возмущение же либеральной общественности вызвало то, что Черкасский в будущей сельской общине оставлял за дворянином-владельцем право не только наблюдения, но и телесного наказания крестьян.

В одной из своих работ, записке «О положении крестьянского дела» от 25 сентября 1859 г., написанной Черкасским для министра внутренних дел С.С. Ланского и для императрицы Марии Александровны, он обозначил суть домогательств в крестьянском вопросе так называемой «аристократической оппозиции»¹. Черкасский осуждает этих «слепых защитников крепостного быта», которые в губернских комитетах защищают «то освобождение вовсе без земли, то наделение крестьян самым скудным количеством её, то выкуп по ценам баснословным, то сохранение барщины на неопределённое время, то мнимо свободные договоры в условиях самых невыгодных для крестьян» [32, с. 38]. Наряду с мнениями противников, он указывает и на мнения защитников крестьянского дела: первое принадлежит преимуще-

¹ О программе «аристократической оппозиции» см.: [27, с. 118–126].

ственно богатым людям, желающим освободиться от крепостных отношений и мечтающим об олигархической аристократии, надеясь «основать её на грубом, исключительно вещественном преобладании поземельного капитала над классом безземельных сельских работников» [32, с. 39]. Второе мнение принадлежит среднему дворянству, которое «лучше знает Россию, яснее сознает потребности обоих сословий, не верит в возможность продолжительного существования обязательных между ними отношений и в лице многих комитетов громогласно просит у правительства помощь для выкупа крестьянских угодий» [32, с. 40]. Черкасский подчеркивает, что данная противоположность интересов – продолжение исторической тяжбы между олигархическим началом и средним дворянством, продолжающейся уже более полутора веков. И теперь только от правительства зависит «выбор того пути, по которому должны будут отныне двигаться в неразрывной связи судьбы народа и благополучно в нём царствующего Дома» [32, с. 43].

В Редакционных комиссиях Черкасский вместе с Н.А. Милютиным и Ю.Ф. Самариним составил влиятельный «триумвират», усилиями которого были определены основные черты правительственного проекта и даже создан первоначальный вариант Манифеста об освобождении крестьян. В 1861–1863 гг. Черкасский в качестве мирового посредника лично контролировал проведение крестьянской реформы в Веневском уезде Тульской губернии.

После Польского восстания 1863 г. Черкасский стал помощником Н.А. Милютина, в 1864–1866 гг. служил главным директором правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском, вместе с Ю.Ф. Самариним участвовал в разработке Положения от 19 февраля 1864 г., наделавшего землёй польских крестьян. В 1869 г. был избран московским городским головою, стал одним из авторов Городской реформы 1870 г. и Городового положения в 1871 г. После подачи верноподданнического адреса императору с призывом дать русскому народу свободу слова и свободу совести был вынужден сложить с себя обязанности городского головы. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Черкасский – уполномоченный при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста, заведующий гражданским управлением Болгарии на освобождённых от турок территориях, именно он подготовил записку, которая легла в основу Конституции Болгарии 1879 г.

Представитель старинного кавказского княжеского рода, ведущего начало от легендарного кабардинского владетеля, объединителя родов Черкесии, Черкасский стал видным политическим деятелем России, чьё имя по праву вошло в историю русского хранительства. Как отмечал князь А.И. Васильчиков: «...для таких трудных задач, которые решались в наше время в России..., нужны в главных деятелях, кроме приветливости и обходительности, ещё и другие качества: твёрдые убеждения, сила характера, обширные познания, светлый ум. Этим всем обладал Черкасский и в такой мере, какая редко встречается в наших русских благодушных натурах. Он глубоко верил в здравый смысл и в силу русского народа и находил в нем задатки будущего лучшего общественного строя. Он сознавал, что европейский либерализм со своим сложным конституционным механизмом не может быть пересажен в Россию, как декоративное растение без корней, и когда доверие Монарха призывало его на службу, он трудился над устройством народного, общественного, земельного быта – над основаниями, а не венцом здания» [12, с. 515].

Отмена крепостного права была подготовлена и осуществлена не без сложностей, главную из которых олицетворяла «аристократическая оппозиция» в столицах и противодействие дворян-помещиков на местах. Технически этот переворот состоял из череды мероприятий, проведённых в 1857–1861 гг. Мнение широкого круга дворянства и профессиональных экспертов, привлечённых к обсуждению крестьянского вопроса, оказалось бессильным перед властной волей самодержавного монарха. В октябре 1860 г. Редакционные комиссии завершили работу над проектом, определяющим условия освобождения крестьян, и он поступил на обсуждение в Главный комитет по крестьянскому делу, а затем 28 января 1861 г. и в Государственный совет. Большинство членов этих комитетов выступило против проекта. Однако император принял сторону меньшинства и проект поддержал.

Во всех сферах жизни произошёл коренной переворот. Крестьянская реформа привела к масштабному перераспределению земельного фонда, основная часть которого осталась

за помещным дворянством, к обезземеливанию и обнищанию крестьянства; она обусловила разрыв устоявшихся социально-экономических связей между дворянским и крестьянским сословиями, утрату сакрального смысла отношения дворянства и крестьянства к царскому престолу, чувства кровного единства с самодержцем. Мечты славянофилов о социальной гармонии в стране, о русской «народной монархии» развеялись как дым. «Ограбленное» в результате реформы дворянство и «обманутое» крестьянство, в конечном счёте, трансформировали своё недовольство в действие: патриархальную деревню потрясли крестьянские выступления и бунты, в городах появились народнические кружки, стало набирать силу и шириться революционное движение, развивавшееся до этого эпизодично. Лозунги и средства народнических революционеров эволюционировали: от социальных к политическим, от просветительских к террористическим. Вектор, направленный к Великой русской революции 1917 г., был задан.

Список литературы

1. Аксаков, И. С. О статье Ю. Ф. Самарина по поводу толков о конституции в 1862 году / И. С. Аксаков // Русь. – 1881. – № 29, 30 мая. – С. 2–4.
2. Ермашов, Д. В. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) / Д. В. Ермашов, А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
3. Захаров, Э. В. Предисловие / Э. В. Захаров // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – С. 5–33.
4. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). – Москва : Московский ун-т, 1994. – 527 с.
5. Кошелев, А. И. Какой исход для России из ее нынешнего положения? / А. И. Кошелев. – Лейпциг : Франц Вагнер, 1862. – 85 с.
6. Кошелев, А. И. Конституция, самодержавие и земская дума / А. И. Кошелев. – Лейпциг : Франц Вагнер, 1862. – 59 с.
7. Кошелев, А. И. О необходимости уничтожения крепостного состояния в России / А. И. Кошелев // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. – Berlin : V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – С. 57–92.
8. Кошелев, А. И. О различных способах освобождения крестьян / А. И. Кошелев // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. – Berlin : V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – С. 93–128.
9. Статья А. И. Кошелева в «Земледельческой газете» 1847 г. Охота пуще неволи / А. И. Кошелев // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение второе. – Berlin : V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – С. 9–14.
10. Кошелев, А. И. Предполагаемые меры к освобождению крестьян / А. И. Кошелев // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. – Berlin : V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – С. 129–162.
11. Манифест 19 февраля 1861 года // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. – Москва : Юридическая литература, 1989. – Т. 7: Документы крестьянской реформы. – С. 27–31.
12. Речь князя А. Васильчикова / А. И. Васильчиков // Черкасский В. А. Национальная реформа. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – С. 513–516.
13. Русская социально-политическая мысль XI–XX века: К.С. Аксаков. – Москва : Политическая мысль, 2011. – 212 с.
14. Самарин, Д. Ф. Предисловие / Д. Ф. Самарин // Сочинения Ю. Ф. Самарина. – Москва : Товарищество Тип. А.И. Мамонтова, 1911. – Т. 4. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1864 года. – С. I–LVI.
15. Самарин, Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России / Ю. Ф. Самарин // 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма. – Москва : Терра., 1997. – С. 58–68.
16. Самарин, Ю. Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе / Ю. Ф. Самарин // Сочинения Ю. Ф. Самарина. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. – Т. 2. Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. – С. 17–136.
17. Самарин, Ю. Ф. По поводу толков о конституции / Ю. Ф. Самарин // 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма. – Москва : Терра., 1997. – С. 96–98.
18. Сочинения Ю. Ф. Самарина. / Ю. Ф. Самарин. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. – Т. 2. Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. – 446 с.
19. Сочинения Ю. Ф. Самарина / Ю. Ф. Самарин. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1885. – Т. 3. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 года по июнь 1859 года. – 497 с.

20. Сочинения Ю. Ф. Самарина / Ю. Ф. Самарин. – Москва : Товарищество Тип. А. И. Мамонтова, 1911. – Т. 4. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1864 года. – 559 с.
21. Хранители России. Антология. – Москва : Паблис, 2015. – Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. – 736 с.
22. Хранители России. Антология. – Москва : Паблис, 2015. – Т. 2. В поисках нового... консерватизма. – 936 с.
23. Хранители России. Антология. – Москва : Паблис, 2016. – Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. – 1096 с.
24. Хранители России. Антология. – Москва : Паблис, 2016. – Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. – 1136 с.
25. Хранители России. Антология. – Москва : Новые решения, 2018. – Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. – 952 с.
26. Хранители России. Антология. – Москва : Новые решения, 2018. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. – 1174 с.
27. Христофоров, И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.) / И. А. Христофоров. – Москва : Русское слово, 2002. – 432 с.
28. Черкасский, В. А. 1-й проект постепенного освобождения крестьян / В. А. Черкасский // Трубецкая О. Князь В.А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. – Москва : Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – Т. 1, кн. 1, прилож. № 1. – С. 1–7.
29. Черкасский, В. А. Записка о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния / В. А. Черкасский // Трубецкая О. Князь В.А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. – Москва : Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – Т. 1, кн. 1, прилож. № 2. – С. 11–67.
30. Черкасский, В. А. Некоторые черты будущего сельского управления / В. А. Черкасский // Сельское благоустройство. – 1858. – № 9. – С. 223–270.
31. Черкасский, В. А. О главных и существеннейших условиях успеха нового положения / В. А. Черкасский // Трубецкая О. Князь В.А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. – Москва : Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – Т. 1, кн. 1, прилож. № 3. – С. 67–93.
32. Черкасский, В. А. О положении крестьянского дела / В. А. Черкасский // Трубецкая О. Князь В.А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. – Москва : Тип. Лисснера и Гешеля, 1904. – Т. 1, кн. 2, прилож. № 8. – С. 36–49.
33. Ширинянец, А. А. «Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я. И. Ростовцев, С. С. Ланской, М. Н. Муравьев / А. А. Ширинянец // Русская политология – Russian political science. – 2018. – № 1 (6). – С. 14–25.
34. Ширинянец, А. А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии / А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2006. – № 4. – С. 69–87.

References

1. Aksakov I. S. O state Y.F. Samarina po povodu tolkov o konstitutsii v 1862 godu [About the Yuri Samarin's article deals with the rumors of a constitution in 1862]. *Rus* [Rus], 1881, no. 29, 30th May, pp. 2–4.
2. Yermashov D. V., Shirinyants A. A. Khranitelstvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kultury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii) [Keeping as the foundation of the conservative political culture of the intelligentsia (the experience of post-reform Russia)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political Science"], 2006, no. 2, pp. 5–22.
3. Zakharov E. V. Predisloviye [Foreword]. *Samarin Y. F. Pravoslaviye i narodnost* [Samarin Y. F. Orthodoxy and nationality]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2008, pp. 5–33.
4. *Konets krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pisma, memuary, stati)* [End of serfdom in Russia (documents, letters, memoirs, articles)]. Moscow, Publ. House of Moscow University, 1994, 527 p.
5. Koshelev A. I. *Kakoy iskhod dlya Rossii iz yeye nyneshnego polozheniya?* [What is the outcome for Russia from its current situation?]. Leipzig, Franz Wagner Publ., 1862, 85 p.
6. Koshelev A. I. *Konstitutsiya, samodержавiye i zemskaya дума* [Constitution, autocracy and the Duma]. Leipzig, Franz Wagner Publ., 1862, 59 p.
7. Koshelev A. I. O neobkhodimosti unichtozheniya krepostnogo sostoyaniya v Rossii [About the necessity of the destruction of serfdom in Russia]. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami. Prilozheniye pyatoye* [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883). With seven applications. Annex Fifth]. Berlin, B. Behr's Verlag (E. Bock) Publ., 1884, pp. 57–92.
8. Koshelev A. I. O razlichnykh sposobakh osvobozhdeniya krestyan [About different ways of emancipation of the serfs]. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami. Prilozheniye pyatoye* [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883). With seven applications. Annex Fifth]. Berlin, B. Behr's Verlag (E. Bock) Publ., 1884, pp. 93–128.

9. Koshelev A. I. Statya A. I. Kosheleva v "Zemledelcheskoy gazete" 1847 g. Okhota pushche nevoli [The A.I. Koshelev's article in the «Agricultural Newspaper» in 1847. Hunting more than bondage]. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami. Prilozheniye vtoroye* [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812-1883). With seven applications. Annex second]. Berlin, B. Behr's Verlag (E. Bock) Publ., 1884, pp. 9–14.
10. Koshelev A. I. Predpolagayemyye mery k osvobozhdeniyu krestyan [Proposed measures to free peasants]. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami. Prilozheniye pyatoye* [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812-1883). With seven applications. Annex Fifth]. Berlin, B. Behr's Verlag (E. Bock) Publ., 1884, pp. 129–162.
11. Manifest 19 fevralya 1861 goda [Manifesto on the 19th February, 1861]. Rossiyskoye zakonodatelstvo X–XX vv.: v 9 tomakh. [Russian legislation of the 10th-20th centuries: in 9 volumes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989, vol. 7, pp. 27–31.
12. Rech knyazya A. Vasilchikova [Speech by Prince A. Vasilchikov]. *Cherkasskiy V.A. Natsionalnaya reforma* [Cherkassky V.A. National reform]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2010, pp. 510–513.
13. *Russkaya sotsialno-politicheskaya mysl XI–XX veka: K. S. Aksakov* [Russian socio-political thought of the XI–XX century: K.S. Aksakov]. Moscow, Politicheskaya mysl Publ., 2011, 212 p.
14. Samarin D. F. Predisloviye [Foreword]. *Sochineniya Y. F. Samarina. Tom chetvertyy. Krestyanskoye delo s iyunya 1859 po april 1864 goda* [Y.F. Samarin's compositions. Volume four. Peasant deals from June 1859 to April 1864]. Moscow, The Association of Prin. Houses of A. I. Mamontov Publ., 1911, pp. I–LVI.
15. Samarin Yu. F. Na chem osnovana i chem opredelyayetsya verkhovnaya vlast' v Rossii [What is the basis and what determines the supreme power in Russia]. 1840–1876: Yu. F. Samarin. *Stati. Vospominaniya. Pisma* [1840–1876: Yu. F. Samarin. Articles. Memories. Letters]. Moscow, Terra Publ., 1997, pp. 58–68.
16. Samarin Yu. F. O krepostnom sostoyanii i o perekhode iz nego k grazhdanskoy svobode [About serfdom and the transition from it to civil liberties]. *Sochineniya Yu. F. Samarina* [Y.F. Samarin's compositions]. Moscow, Typography of A. I. Mamontov and Co. Publ., 1878, vol. 2, pp. 17–136.
17. Samarin Yu. F. Po povodu tolkov o konstitutsii [Regarding rumors about the constitution]. 1840–1876: Yu. F. Samarin. *Stati. Vospominaniya. Pisma* [1840–1876: Y.F. Samarin. Articles. Memories. Letters]. Moscow, Terra Publ., 1997, pp. 96–98.
18. *Sochineniya Yu. F. Samarina* [Yu. F. Samarin's compositions]. Moscow, Typography of A. I. Mamontov and Co., 1878, vol. 2, 446 p.
19. *Sochineniya Yu. F. Samarina* [Yu. F. Samarin's compositions]. Moscow, Typography of A. I. Mamontov and Co., 1885, vol. 3, 497 p.
20. *Sochineniya Yu. F. Samarina* [Y.F. Samarin's compositions]. Moscow, Typography of A. I. Mamontov and Co., 1911, vol. 4, 559 p.
21. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Pablis Publ., 2015, vol. 1, 736 p.
22. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Pablis Publ., 2015, vol. 2, 936 p.
23. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Pablis Publ., 2016, vol. 3, 1096 p.
24. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Pablis Publ., 2016, vol. 4, 1196 p.
25. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Novyye resheniya Publ., 2018, vol. 5, 952 p.
26. *Khraniteli Rossii. Antologiya* [Keepers of Russia. Anthology]. Moscow, Novyye resheniya Publ., 2018, vol. 6, 1174 p.
27. *Khristoforov I. A. "Aristokraticeskaya" oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850-kh – seredina 1870-kh gg.)* ["Aristocratic" opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid-1870s)]. Moscow, Russkoye slovo Publ., 2002, 432 p.
28. Cherkassky V. A. 1-y projekt postepennoy osvobozhdeniya krestyan [The first project of gradual liberation of peasants]. *Trubetskaya O. Knyaz V. A. Cherkasskiy i ego uchastiye v reshenii krestyanskogo voprosa* [Trubetskaya O. Prince V.A. Cherkassky and his participation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel Publ., 1901, vol. 1, book 1, annex. no. 1, pp. 1–7.
29. Cherkassky V. A. Zapiska o luchshikh sredstvakh k postepennomu iskhodu iz krepostnogo sostoyaniya [Note about the best means to a gradual exodus from serfdom]. *Trubetskaya O. Knyaz V. A. Cherkasskiy i ego uchastiye v reshenii krestyanskogo voprosa* [Trubetskaya O. Prince V. A. Cherkassky and his participation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel, 1901, vol. 1, book 1, annex. no. 2, pp. 11–67.
30. Cherkassky V. A. Nekotoryye cherty budushchego selskogo upravleniya [Some features of the future of rural governance]. *Selskoye blagoustroystvo* [Rural improvement], 1858, no. 9, pp. 223–270.
31. Cherkassky V. A. O glavnykh i sushchestvenneyshikh usloviyakh uspekha novogo polozheniya [On the main and essential conditions for the success of the new situation]. *Trubetskaya O. Knyaz V. A. Cherkasskiy i ego uchastiye v reshenii krestyanskogo voprosa* [Trubetskaya O. Prince V.A. Cherkassky and his par-

participation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel, 1901, vol. 1, book 1, annex. no. 3, pp. 67–93.

32. Cherkassky V. A. O polozhenii krestyanskogo dela [About the situation in peasant deal]. *Trubetskaya O. Knyaz V. A. Cherkasskiy i ego uchastie v reshenii krestyanskogo voprosa* [Trubetskaya O. Prince V.A. Cherkassky and his participation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel, 1904, vol. 1, book 2, annex. no. 8, pp. 36–49.

33. Shirinyants A.A. "Prosveshchennaya byurokратиya" v epokhu krestyanskoy reformy 1861 g.: Ya. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoу, M. N. Muravyev ["Enlightened bureaucracy" in the era of peasant reform in 1861: Yu. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoу, M. N. Muravyov]. *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2018, no. 1 (6), pp. 14–25.

34. Shirinyants A. A. Khranitelstvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kultury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii [Keeping as the basis of the conservative political culture of the intelligentsia (the experience of post-reform Russia): the concept of the Russian monarchy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 "Politicheskiye nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political Science"]. 2006, no. 4, pp. 69–87.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА – НОСИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ДУХОВНОСТИ

Максимов Константин Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: tsagadam@mail.ru

Рассматривается антирелигиозная политика советского государства против буддийского духовенства. Советская власть, разрушив, передав государству церковные и монастырские учреждения, имущество всех конфессий, подвергла репрессиям священнослужителей. При этом юридические основания в большинстве случаев вообще отсутствовали. Главным критерием для обвинения служило социальное положение – священнослужитель. Репрессии против буддийского духовенства в Калмыкии, Бурятии проводились довольно разветвлённой системой организаций ОГПУ, НКВД и внесудебными органами под руководством парткомов. В 1930-е гг. в этих республиках во внесудебном порядке было приговорено значительное количество буддийских священнослужителей к различным мерам наказания, вплоть до высшей меры. К 1938 г. в Калмыкии были закрыты все церковные, хурульные храмы, основная часть священнослужителей буддийского духовенства во избежание преследования вынуждена была оставить службу, большинство из них подверглось репрессиям судебными и внесудебными органами. Репрессиям подверглось духовенство и соседних государств, где население исповедовало буддизм. В Монгольской и Тувинской народных республиках, по примеру СССР, в результате борьбы с религией и религиозностью населения к концу 1930-х гг. фактически были ликвидированы монастырские учреждения и репрессированы духовные лица.

Ключевые слова: Советское государство, ЦК ВКП(б), антирелигиозная борьба, репрессивная политика, буддийское духовенство, священники, хурул, Калмыкия, Бурятия, Монгольская Народная Республика, Тувинская Народная Республика

REPRESSION AGAINST BUDDHIST CLERGY – REPRESENTATIVES OF NATIONAL IDEOLOGY AND SPIRITUALITY

Maksimov Konstantin N., D.Sc. (History), Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: tsagadam@mail.ru

The article deals with the anti-religious policy of the Soviet state against the Buddhist clergy. Having destroyed churches and monasteries, turning over the possessions of all faiths to the state, the Soviet government subjected priests to repression. In most cases, there were no legal grounds for that at all. The main criterion for the prosecution was the social status of being the priest. Repressions against Buddhist clergy in Kalmykia and Buryatia were carried out by a rather extensive system of organizations of the OGPU, NKVD and extrajudicial bodies under the leadership of the party committees. In the 1930s, in these republics, significant number of